

# Попытка космической реформы

С.А. Жуков

Из Сборника в память о выдающемся преподавателе-просветителе и мыслителе  
Московского Государственного Технического Университета им. Баумана

Ю.А. АБРАМОВЕ

«РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЁЗДАМ»



Сборник  
МОСКВА  
«ВЕЧЕ»  
2003

На Королёвской фирме .....	1
Начало .....	3
Концепция .....	4
Рабочая группа Правительства .....	7
Несколько картинок той памятной осени .....	9
Кричевский вспоминает: .....	11
Создание космического Агентства .....	12
Выдержки из дневника: .....	13
Космическая философия .....	14

## На Королёвской фирме

Аэрокосмическая промышленность образца 1986 года оскорбила мои чувства *взволнованного ожидания встречи с космосом*. НПО «Энергия» имени академика С.П. Королёва, куда я пришёл работать с единственным желанием — летать — показалось мне серой инженерной империей, где гибнет творческая личность. Переизбыток кадров. Низкие оклады. Вялое перетаскивание бумаг с территории на территорию. Я увидел плохо занятых людей, горы засекреченной бумаги, добрая половина которой была никому не нужна. Это было как удар в лицо после вольной горячки аспирантуры.

Конечно, на предприятии была живая работа. Но я попал на «третью территорию», расположенную на отшибе. Здесь занимались перспективной установкой, время лётных испытаний которой терялось в неопределённом будущем. Организация труда была на

низком уровне. В отделах не спеша распивали чай, женщины увлекались разведением домашних растений. Мне поручили руководить группой. Я попытался ввести жёсткое планирование и отчётность. Это вызвало резкое отторжение коллектива. Тогда я вообще прекратил работать. Не было смысла здесь упираться. Реальные проекты шли в других подразделениях предприятия, но и они, по моему мнению, были далеки от переднего края науки!

Пора бурного освоения нового, выпавшая на долю предыдущего поколения инженеров, прошла. Наступило время пережёвывания частных дел. А мне нужен был прорыв! Я страдал, не умея разглядеть реального дела и настоящих космических зубров. Ходил по всем службам предприятия — нет, не грело. Добился приёма у Генерального конструктора В.П. Глушко с просьбой допустить к отбору в отряд космонавтов. Ответ был ледяной: «Сначала три года проработайте на фирме!» Глушко, высокий костистый старик с крепкой ладонью, строго добавил: «Молодой человек, вы не поняли важности работы куратора космической техники...»

Можно было заняться самосовершенствованием, пополнением багажа технических знаний. Я засел за изучение космических кораблей — «Союз», «Буран», орбитальной станции «Мир». Сделал попытку попасть в группу испытателей — путь многих, лелеявших мечту о полёте, даже участвовал в инструктаже космонавтов по некоторым экспериментам. Но сильнейшее беспокойство мешало мне заниматься подготовкой к космическим путешествиям. Разразился душевный кризис. Что-то было не так в организации пилотируемых полётов. Я не понимал их смысла — летали не учёные, а бортинженеры. Их набирали только из НПО «Энергия» — фирмы-монополиста. Открытых конкурсов не было для того, чтобы попасть в отряд космонавтов, требовались связи, рекомендации. Я надеялся на контакты, наработанные в МВТУ им. Баумана. У секретаря комитета комсомола института был широкий круг общения. Но здесь, как оказалось, всё следовало нарабатывать заново. Для чего? Эти мысли не оставляли меня. С тем, чтобы в конце концов стать Героем Советского Союза, заплатив за это многолетним ожиданием, научной дисквалификацией? Нет, не грело. Здоровье? Но его можно сохранить и самостоятельно, не только под палкой медицинского диктанта. Романтика? Но её в околоземных космических полётах остается всё меньше. А какая романтика в этой вот скучной земной работе? Несоответствие между космической мечтой и её суровой земной изнанкой просто изводило меня. Тем, у кого не было выбора, возможно, было легче.

Я завёл знакомства с будущими космонавтами (ныне уже слетавшими). Один руководил группой инженеров-испытателей, работавших в гидробассейне. Другой штудировал математику, электротехнику — вечерами в общежитии. Они, кажется, не мучались. Меня же тянуло к иной, широкой деятельности. Но какой? Наука? Литература? Политика? Я не мог понять своего назначения. Что-то вываривалось внутри. Голова кипела. В страхе, отгораживавшем от окружающего мира, метался я между станцией Подлипки и Москвой, знакомясь с космонавтами, пробиваясь к ректору, в прошлом космонавту А.С. Елисееву: «Хочу вернуться в МВТУ». По вторникам и четвергам я тренировал группу студентов по разделу боевого самбо, а по субботам вёл в МВТУ семинары по экономике и организации промышленного производства

Начальник отдела А.П. Лобаков и руководитель сектора В.И. Лягушин не очень-то беспокоили меня с графиком появления на работе в НПО «Энергия». Понимали, что я человек временный. Я им за это благодарен...

Я ездил по разным предприятиям и нигде не видел принципиально новой задачи (и не мог видеть — секретность!). Искать крупную научную тему таким способом — всё равно что искать иголку в стоге сена. Фасад космической промышленности показался мне

непривлекательным. Заборы... Проходные... Множество людей... И всюду, куда меня допускали, были частности, улучшения ранее созданного.

Где была та пламенная космонавтика Королёва, о которой я столько слышал? Ветераны с удовольствием вспоминали минувшие дни, когда всё бурлило. «Раньше было королевство, потом — мишанина, а теперь — глухомань...» — говорили они. Космонавтика была уже не та, что в пору становления, в 50—60-е годы. Молодёжь не могла себя найти, за немногими исключениями. Почему? «Самостоятельными исследованиями в промышленности вам заниматься не дадут, — вспоминал я слова Г.А. Николаева, бывшего ректора МВТУ. — Для этого вы должны стать хотя бы начальником отдела».

Осенью нас послали на картошку. Картина там была ещё более удручающая. *Совхоз, куда мы приехали, убирал урожай за счёт рабского, немеханизированного труда десяти (!) тысяч горожан. Разве так надо использовать квалифицированных инженеров?! Я написал и опубликовал статью в «Калининградской Правде», которая наделала шума. Парткому НПО «Энергия» это не понравилось.*

Два года крошечной муки окончились неожиданным решением — уйти в создаваемый журнал «Экономика и Техника», который, как мне казалось, мог бы стать компромиссом между инженерной квалификацией и пером, этапом на пути к большой литературе.

На прощанье я сказал космонавту Владимиру Соловьёву, тепло опекавшему меня: «Я вернусь космонавтом-писателем!» Соловьёв, выдержавший ради меня бой с руководством и добившийся разрешения Генерального конструктора сократить на полтора года инкубационный срок перед отбором в отряд, опешил: «Ты сдурел! Бизнесмены, политики, литераторы у нас никогда не летали. Ты можешь упустить свой единственный шанс!» Но «дурень» стоял на своём, и Соловьёв с грустью отпустил меня.

Я увольнялся из фирмы, где многое всё-таки успел понять и увидеть, шумно — с оформлением командировки в Америку. Сновал из кабинета в кабинет, подписывая бегунок, а внутри звучала, пела одна странно упорная мысль: «Мы сделаем переворот в космонавтике! Расшевелим эту скучную империю!»

«Как и с кем предстоит это делать» — я, правда, ещё не знал. Но чувство уверенности было полным: «Придёт время, и мы обязательно разберёмся, чем же больна космонавтика. Разберёмся — и улучшим её. Тогда, наверное, и я полечу в космос...»

## Начало

«Реформа управления космонавтикой!» — такие слова зазвучат пару лет спустя на заседаниях Московского космического клуба.

Созданию клуба предшествовали: космическая комиссия Всесоюзного совета молодых учёных и Конкурс журналистов. Космическая комиссия просуществовала год и успела осуществить выезд 17 специалистов в США. Мы впервые увидели центр управления полётами в Хьюстоне, исторический первый стартовый комплекс американцев в Хантсвилле, побывали в штаб-квартире НАСА. Мне удалось даже посидеть (буквально) в кресле спикера Палаты представителей конгресса США — полисмен растаял от слова «космонавт». Конкурс среди журналистов был объявлен весной 1989 года с целью осуществления полёта в космос кого-либо из них. Он вовлёк в свою орбиту много людей — инженеров, учёных, военных, служащих министерств, преподавателей. Он походил на модель гражданского общества в миниатюре, точнее, на ту его часть, которая была проникнута романтикой покорения космических пространств. Мы регулярно собирались в гостеприимном отделе науки могущественной тогда газеты «Правда». Его руководители — Владимир Губарев, Андрей Тарасов, Анатолий Покровский, были главными организаторами проекта журналистского полёта. Иногда число собравшихся достигало нескольких десятков. Как-то само собою возникла идея общественного объединения, а

потом появилось и название — «космический клуб». Он стал одним из самых первых, возникших в перестроечные годы...

«Клубную» концепцию я привёз из Алабамы. В начале 1990 года, теплой звёздной ночью, настоенной на запахах свежей зелени, вице-президент местного университета Том Тенбрансел, остановив машину, в течение двух часов вдохновенно излагал мне свои мысли: «Сергей, вы уже объединены там в Москве. Почему бы вам не назваться клубом? Вы завяжете партнёрские отношения с Национальным космическим клубом США, другими известными и уважаемыми организациями. Мы вместе станем способствовать международному сотрудничеству в космосе!»

Коллегам идея понравилась. Не помню, кто впервые произнёс: «Московский». По месту учреждения. Все согласились, уточнив, что сфера действия космического клуба может быть при этом общероссийской, международной, галактической.

На учредительном собрании 29 ноября 1990 года в конференц-зале «Правды» нас было человек сорок. В числе прочих задач мы провозгласили — способствовать реформе в космической отрасли. Первый шаг — сформировать междисциплинарную, комплексную Концепцию развития отечественной космонавтики. Она должна была послужить основой для разработки организационных, финансовых и правовых шагов по спасению наследия Циолковского, Королёва, Гагарина, многих талантливых конструкторов и специалистов, открывших человечеству дорогу в космос.

### Концепция

В 91-м мы были полны романтических желаний. Я — летать в космос, Иван Моисеев — составить план межзвёздных экспедиций, профессор Г.С. Хозин — донести до президентов сверхдержав правду о мировой космонавтике, Сергей Голотюк — стать историком космонавтики. Мы собирались в «Правде» и подолгу обсуждали всяческие концепции: Николая Путилина — о международном биозаводе на орбите и самолетных турах по космодромам мира, Андрея Кузьмина — о детском космическом журнале, Рона Джонса — Integrated Space Plan, Куки Оберг — о мультфильмах для детей. Потом шли в буфет, гоняли чай и кофе, продолжали обсуждение возможных проектов: международного учебного центра «Космос» МАИ, клуба юных космонавтов МГТУ, с которыми приходили Юрий Щербаков и Вика Майорова; гонки солнечных парусников Володи Базанова из НПО «Машиностроение» и его соперников из Подлипков. Приходили письма из Канады и Австралии, мы писали репортажи в European Space Report. Сергей Твердохлебов разработал широкую программу для полёта журналиста — аж для всего мирового сообщества!

Поначалу разработка концепции управления космической отраслью была лишь одним из нескольких проектов Клуба, но вскоре она стала поглощать всё наше внимание. 27 декабря 1990 года в «Правде» собралась авторская группа: профессора Леонид Васильевич Лесков и Григорий Сергеевич Хозин, инженер Сергей Голотюк и я. Позже подключились кандидаты наук Борис Николаевич Кантемиров и Юрий Андреевич Абрамов, инженеры Леонид Галушко, Николай Путилин, Александр Лебедев, Ольга Моисеева. Заводилой и руководителем группы был Иван Моисеев. Он пришёл с идеями ни много ни мало — межзвёздных полётов, но скоро предложил и начал координировать работу по написанию этой более близкой, привязанной к сегодняшней Земле концепции. Вся работа шла через его компьютер, через их с женой Ольгой семейный стол.

Общее научное редактирование взял на себя Владимир Постышев, присоединившийся к работе в мае 1991-го. В июне брошюра была сдана в печать. С подачи С. Голотюка её назвали «Космонавтика: Предложено выжить». В октябре того же года первая открытая концепция управления советской космонавтикой была

опубликована в «клубном» выпуске общества «Знание» (серия «Астрономия. Космонавтика»)<sup>1</sup>.

Московский космический клуб стал известен среди специалистов. «К сожалению, брошюропечатание не поспевало за событиями, — вспоминал И.М. Моисеев. — Концепцию пришлось перестраивать с СССР на Россию. В июне текст был сдан в печать, и тогда же Постышев предложил «делать всё на Россию». Я поспорил и согласился.

***Накопленное знание разрывало нас. То, что мы осознали, было ошеломляющим. В СССР не было единого органа, управляющего космонавтикой.*** Вместо него — оборонный отдел ЦК КПСС, под ним — Военно-промышленная комиссия Совета Министров, дальше — до 14 министерств и ведомств, задействованных в освоении космоса: министерство обороны, министерство общего машиностроения, министерство авиационной промышленности, Академия наук, ряд других. Развитию уже давно мешала ведомственная разобщённость. Финансирование не создавало стимулов работать ни специалистам, ни предприятиям в целом. Строгого разграничения функций между ведомствами не было, что при монопольном способе ведения дел приводило к параллельным работам по ряду направлений. Специализированного органа, координирующего деятельность космической отрасли, не было. Для Военно-промышленной комиссии (ВПК) при Совете Министров СССР космонавтика не являлась основной заботой. Отсутствовали экономические механизмы регулирования космической деятельности. Научно-технические достижения не передавались в народное хозяйство, несмотря на постановления и директивы...

Нам приходилось многое домысливать, включать воображение: отрасль до сих пор была засекречена. Но понемногу, на макроуровне, картина управления космонавтикой становилась понятной. Для нас было ясно: космонавтика должна быть спасена! Ниже я привожу изложение идей, высказанных в брошюре «Космонавтика: предложено выжить».

«Было бы непоправимой ошибкой, — говорилось в тексте нашей доктрины, — имея хорошие стартовые условия, богатый опыт, мощную научно-техническую и производственную базу, большие заделы на будущее, допустить свёртывание работ по исследованию и использованию космического пространства, причём как раз в тот момент, когда космонавтика начала приносить ощутимые результаты, когда темпы развития мировой космонавтики быстро возрастают и её эффективность постоянно увеличивается».

Отводя главную роль в реформе государственным органам, мы предлагали создать широкую систему общественных институтов, которые помогали бы адекватно формулировать текущие и перспективные цели космонавтики, содействовали бы в поиске средств и методов осуществления космических программ, объективно оценивали бы результаты их реализации. «Попытка провести реформы без широкого обсуждения и одобрения народом, — говорилось в документе, — заведомо обречена на провал».

В доктрине был намечен новый механизм управления космической деятельностью. Право принятия принципиальных решений должно было быть передано Верховному Совету и Президенту страны. Их дело — заниматься выработкой основ национальной космической политики, определением приоритетов, утверждением Государственной космической программы и бюджета, назначением и отставкой руководителей государственных космических организаций. В аппарате Президента и составе Верховного Совета при этом должны были создаваться экспертные органы.

Центром, вырабатывающим космическую политику страны, должна была стать новая государственная организация — ***Федеральный совет по космонавтике***. Мы

---

<sup>1</sup> Абрамов Ю.А., Моисеев И.М., Жуков С.А., Постышев В.М., Галушко Л.В., Моисеева О.Э. Советская космическая доктрина. В бр. «Космонавтика: Предложено выжить». Сер. «Астрономия, космонавтика». М.: Изд-во «Знание», 1991.

предлагали разделить функции определения целей и исполнения космических программ. Отсутствие разделения и в СССР и в США приводило к принятию программ, выгодных для ведомств, а не государства в целом. Совет должен был учитывать интересы субъектов Федерации в космонавтике, например, определять доли республик в финансировании космических программ, справедливое распределение доходов от космической деятельности, участие в формировании общегосударственной политики в космонавтике. Особую роль в Совете должны были играть эксперты — специалисты высшей квалификации, которые принимали бы участие в подготовке всех документов, проводили бы научно-техническую и правовую экспертизу особо важных и дорогостоящих проектов. Эксперты должны были иметь независимую систему финансирования и нести ответственность только за качество проводимой экспертизы.

Исполнительной структурой в системе управления должен был стать *Государственный комитет по космонавтике*. Необходимо было физически и юридически разделить субъекты «заказчик» и «исполнитель» в космонавтике, которые в то время были совмещены (сегодня — совмещены частично). Основная задача Комитета — концентрация материальных и интеллектуальных ресурсов с целью развития космонавтики и эффективного использования её результатов. Комитет должен был выступать заказчиком космической техники и технологий.

Всплеск преобразовательной энергии в обществе заражал и нас энтузиазмом. Всё казалось возможным. Схема управления космической деятельностью была нарисована и представлялась логичной. Мы погружались в обсуждение взаимодействия гражданской, военной, академической и коммерческих космических программ. Обсуждали соотношение бюджетного финансирования и поступление доходов от рыночной деятельности. Прогнозировали, как изменятся неповоротливые структуры-монстры — научно-производственные объединения, какие из них могут выйти на космический рынок.

В доктрине ставился вопрос о создании законодательной базы космической деятельности — прежде всего, об основном законе. Предлагалось рассекретить значительную часть документов, создать Временную вневедомственную комиссию по гласности в космонавтике. Касались мы и вопросов подготовки кадров и получения аэрокосмического образования, вопросов интеграции в мировую космонавтику. Но главным была система управления. Мы провели сравнительный анализ того, как принимались решения в прежней системе и как должны приниматься сейчас.

Нам многое становилось понятным. Хотелось внедрить знания в жизнь. Нужна была поддержка власти. По поручению своей команды я начал обивать двери кабинетов с новой концепцией управления космической отраслью. После нескольких попыток мне удалось встретиться с министром связи Владимиром Булгаком, затем поговорить в самолёте с председателем Правительства России Иваном Силаевым. Силаев обещал поддержку, но... на земле попасть к нему оказалось гораздо труднее. Мы не знали тогда о параллельных инициативах (к слову сказать, немногочисленных), исходящих от Института космических исследований и некоторых других организаций. Но в воздухе носилось: «Время пришло...»

Мы рвались в бой. Решающим для дела оказалось знакомство с заместителем Председателя Совмина России М.Д. Малеем. Мой коллега Александр Емельянов представил ему меня в Белом доме. В моей наспех отпечатанной бумаге (там же, в приёмной) значилось: «Прошу Вашего согласия на формирование группы экспертов по вопросам космонавтики и военно-промышленного комплекса». Через 15 минут разговора Михаил Дмитриевич начертил «Согласен». Мы чувствовали себя победителями.

Через две недели грянул августовский путч 1991 года. Я провёл его у стен Белого дома, потом в информационном штабе, который размещался в приёмной госсекретаря Геннадия Бурбулиса. Во время похорон троих погибших москвичей обратился к нему:

«Давайте спасать отрасль!» Рядом стоял вице-президент Александр Руцкой. Бурбулис кивнул в знак согласия, но добраться до него во второй раз оказалось невозможным.

11 сентября мне позвонил В. Постышев и сообщил: «Казахи создали космическое агентство!» Это было как щелчок бича. Мы бросились к Малёву. Он сидел уже на Новом Арбате, 21, и проникнуть в кабинет было много сложнее: Михаил Дмитриевич выполнял обязанности председателя только что созданного им Госкомимущества. На приём рвались все.

Нас было четверо: Иван Моисеев, Владимир Постышев, Вадим Власов (помощник академика Ю.А. Рыжова) и я. В приёмной нам встретился космонавт В.В. Аксёнов, в то время генеральный директор НПО «Планета». Мы знали, что он понимает нерациональность организации космической деятельности, и предложили объединиться. Аксёнов согласился. Когда мы заходили в кабинет, оттуда вышел министр общего машиностроения О.Н. Шишкин. Мы с уважением пожали друг другу руки.

На этот раз разговор с Михаилом Дмитриевичем был предметным. Он решил — создаем Рабочую группу Правительства по космонавтике. Руководитель — М.Д. Малёв, заместители — В.В. Аксёнов, С.А. Жуков и замминистра связи М.А. Елизаров.

Пора Рабочей группы началась!

### Рабочая группа Правительства

Как поздно я дохожу до очевидных истин! Конец сентября, а ещё летом Постышев через «Комсомольскую правду» призвал к созданию Российского космического агентства. Впрочем, разве глобальные идеи имеют автора? — они, как правило, приходят в голову сразу многим, потому что являются ответом на общественную потребность. Недостаток единого космического органа ощущался специалистами давно. К концу сентября всю развернулась деятельность Рабочей группы. Во все концы летят гонцы с депешами, а я сообразил: «Ребята! А ведь мы делаем Агентство! Не отвлечённую реформу, не парламентский доклад — русскую НАСА!»

Я ошалел от счастья, радуясь собственному открытию. Мы сидели в полумраке моисеевской гостиной, пили чай: «тройка» заводил и два офицера из Военно-космических сил — А.Н. Кузнецов и В.Г. Безбородое. Гражданские удовлетворённо кивали, военные вежливо слушали мои восторги и помалкивали. Бросились рисовать структуру агентства. Клеточки пусты... а почему бы их не заполнить своими именами? Признаюсь, мысль стать генеральным директором посещала и меня. Почему не попробовать? — во власть в 1991 году пришло немало молодежи. Но мои мысли неизменно возвращались к космическому полёту. Я не мог представить, как смогу полететь в космос, если стану государственным чиновником: возглавлю Агентство или хотя бы войду в его руководство. В моей позиции лидера была слабость: я хотел создать агентство, мобилизовал товарищей, но не стремился к власти. На практике это означало игру в интересах чужой команды. Но в тот момент я об этом не думал. Я работал для Отечества!

Знал бы, каким отчуждением соратников отзовется мой идеализм! К финишу, ко времени делёжки портфелей, многие стали упрекать меня.

Всю осень шли горячие дискуссии. В нашем штабе на Новом Арбате, 21, до поздней ночи горел свет. Шли специалисты, доставлялись пакеты от руководителей предприятий; время от времени собирались консилиумы профессионалов — обсуждать только что написанный текст. Постепенно сложилось распределение обязанностей. Организационно-политическая работа была за мной. Исполнительным директором стал Николай Путилин. Его заботой было обеспечение работоспособности коллектива и финансы. Основные авторы работали в штабном «аквариуме» — два кабинета, раньше принадлежавшие замминистрам, с общей приёмной. Здесь сохранились даже «вертушки», которыми мы решительно воспользовались для контактов с номенклатурой.

С Сергеем Кричевским мы познакомились на парашютной подготовке ЦПК им. Гагарина в Крыму. Сергей — член отряда космонавтов, подполковник, военный лётчик первого класса, кандидат наук. Я разыскал его осенью, оказывается, он по своей инициативе уже обивал пороги Белого дома, стремясь внести свой вклад в бурные процессы демократизации, познакомился с председателем комитета по чрезвычайным ситуациям (впоследствии министром МЧС) Сергеем Шойгу. Мы «выписали» Кричевского в трёхмесячную командировку, послав письмо за подписью Малая (она была весомой, эта подпись, «красные директора» брали под козырёк), и он работал в ежедневном режиме. Его манерой, по-военному чёткой, было сдавать небольшие записки под роспись — непременно регистрировать входящими номерами в документацию Группы.

Канцелярию возглавил Юрий Николаевич Ерофеев, в недавнем прошлом сотрудник аппарата ЦК КПСС, только что разогнанного. Его опыт аппаратной работы оказался для нас бесценным — делопроизводство было сразу поставлено на должном для сотрудничающего с госорганами коллектива уровне.

Постепенно стали подтягиваться специалисты с мест, вызванные письмами за подписью зампреда Правительства. Они приезжали из Звёздного городка, НПО «Планета», УНКС, ИКИ, привозили бумаги, подробно рассказывали о своих делах.

Это было удивительное время! Всё вокруг кипело. После путча и разгона компартии в рост пошла Россия. Белый дом стал центром политической, общественной, экономической жизни. Новые имена всплывали прямо из небытия. Вспыхивали и рушились карьеры. Валентин Сычкин, зампред Госкомимущества, описывал здания на Старой площади, ранее принадлежавшие ЦК КПСС. Лужков отобрал у СЭВа его здание по Новому Арбату, 36. Эта улица стала одной из важнейших в столице. Дом за номером 21, где мы ухватили офис, был буквально начинён новыми комитетами, которые постепенно вытесняли оттуда союзные министерства и ведомства. Шла пора великого переселения. Гремело имя Геннадия Семигина, создателя Конгресса Российских деловых кругов — он сидел на нашем, двадцать первом этаже, двадцатисемилетний предприниматель, выступал на пресс-конференциях, вызывая зависть Емельянова, — позже Семигин вытеснит нас с занятых нами площадей. Но тогда мы стремились к сотрудничеству с ним — Геннадий проводил шумные мероприятия — съезд Лиги участников ценных бумаг, съезд Лиги промышленников и предпринимателей, заседания представителей малого бизнеса... Российские предприниматели только-только выбирались из подвалов в приличные офисы, всё было в зачатке, поезд только набирал ход.

На двенадцатом этаже заседал недавно назначенный председателем Госкомимущества Анатолий Чубайс, а один из его «мальчиков» — Дмитрий Васильев — дотемна корпел над программой приватизации. Обогащайтесь! Эта идея владела и нами. Я был одним из учредителей журнала «Российский Бизнес». *Мы делали заходы в Госкомимущество, но идея космонавтики Чубайса не привлекала, он не хотел отвлекаться от приватизации...* С журналом — теплее, под него давали площади. Поначалу. За пятнадцатый этаж мы схватились с фондом «Возрождение» Александра Руцкого, тогда вице-президента, и, естественно, проиграли. У нас не было денег. Мы терпели поражение на всех побочных направлениях, кроме одного — космонавтики.

До поздней ночи шли беседы со специалистами. И толковые же мужики работали — в Госцентре «Природа», Министерстве связи, НПО им. Лавочкина, ИМБП. Они раскрывали механизмы своей деятельности, помогая нам понять всё сложное, многими нитями переплетённое устройство функционирования отрасли. Беседы чаще всего вёл Постышев, ему помогал опыт работы в Главкосмосе, но больше — здравый смысл. Володя удивлялся: «Не могу понять, почему люди, способные создать сложнейшую технику, не в состоянии мыслить экономическими и юридическими категориями,

переделать, например, правовую форму своего предприятия, чтобы оно стало приносить доход? Ведь это — так просто!»

Если бы просто...

Из воспоминаний Сергея Кричевского: «Когда стал разваливаться Союз — стадо тараканов побежало из разваливающихся союзных структур в формирующиеся российские структуры. В Минприроды — они на Большой Грузинской — большие кабинеты, никто не работал... Ещё мы ездили на Волгоградский проспект в управление картографии... Здания меняли — кто мог хапнуть себе побольше... Этот момент был в декабре 1991 года. Мы носились с бумажками — подписывать... А там некому было работать...

Потом стали появляться аппаратчики (в Минприроде, в частности), стали гнуть свои правила игры, нас начали футболивать. Была стадия, когда бумажки мы легко вносили, а тут, когда стали формироваться аппаратные отношения, нас опять стали гонять по кругу. И мы почувствовали, что опять возьмем в телефонном праве, в номенклатурных отношениях. Очень много министерств было отдано старым командам (как и в случае с РКА). Ставили кого-то, а он набирал себе старую колоду... Всё начинало опять буксовать, а мы не могли проколоть эту систему, выйти на Гайдара.

Я не всё тогда понимал. Ещё была эйфория, неразбериха, к тому же каждый из нас выполнял свою задачу».

К концу декабря 1991 года доклад «Космическая политика России»<sup>2</sup> был подготовлен. Его основными творцами были Владимир Постышев и Иван Моисеев, всего же авторов — 22 человека, в том числе Ю.Н. Коптев, В.В. Аксёнов, Л.В.Лесков, С.В. Кричевский, М.А.Елизаров. Были использованы документы Министерства обороны, Минобщемаши, ИКИ, АН, НИИ-50, предприятий и институтов космонавтики. (Фактически авторов было не более пяти.) В двадцатых числах декабря мы разослали доклад — Б. Ельцину, Р.Хасбулатову, Г.Бурбулису...

Три месяца мужской работы! Приятно вспомнить.

### Несколько картинок той памятной осени

Встреча с замминистра Коптевым в его кабинете в МОМе. Хозяин выглядит приветливо. Я совсем не так его представлял, когда слышал отовсюду: «Коптев — это руководитель!..» Все считают, ставить надо на Коптева... Он трудяга — прошёл путь от инженера до начальника главка и замминистра... В кабинете — стены увешаны плакатами. Юрий Николаевич тактично проводит с нами ликбез — рассказывает, какие группировки космических аппаратов летают, связанная программа, фундаментальные исследования, пилотируемая программа, военные спутники. Ему помогает В.В. Алавердов, который неизменно будет сопровождать его в походах по кабинетам. Сколько раз потом мне придётся видеть эти плакаты! Сколько раз Коптеву придётся объяснять это министрам и депутатам, членам новой волны, не знающим космонавтики! А в этот вечер — напряжение последних дней столь велико, что я неприлично засыпаю в кресле. Старые спецы нас побаиваются — кто его знает, что ждать от этих новых русских политиков?

Центр подготовки космонавтов. Пресс-конференция, посвященная выпуску группы из шести космонавтов-журналистов и трёх врачей, прошедших общекосмическую подготовку. Меня просят выступить — от Верховного Совета. Все слушают с величайшим вниманием, на некоторых лицах — угодливость. Ещё неясно, получит ли Центр финансирование. Момент критический — вся отрасль сидит без денег, *а депутаты и пресса во все рупоры кричат, что космонавтика съела отечественную колбасу...* Вечером

---

<sup>2</sup> Моисеев И.М., Постышев В.М. и др. (всего 22 автора). «Космическая политика России» — доклад Рабочей группы Правительства и Верховного Совета РФ. М., 1991.

— банкет. Я никогда не видел столько космонавтов вместе. Мне предоставляют слово. Меня уже коснулась звёздная болезнь. В голове я держу: «Сюда надо вернуться на подготовку к полётам. Но после — когда сделаем реформу».

Александр Иванович Дунаев принимает нас в своём кабинете начальника Главкосмоса. Он улыбочив, уютно устроился в кресле, внимательно слушает: «Играйте, играйте в политику. Я теперь в неё — ни ногой. Моё дело — коммерция!»

В Главкосмосе чуть больше тридцати сотрудников, сплочённый коллектив. Его новый статус — государственная коммерческая фирма.

Разослали по промышленности письма с анкетами. В ответ стали поступать подробные ответы от руководителей предприятий — «На ваш исходящий направляем... листов... секретно...»

Малей смеётся: «Объявили себя начальниками — контора заработала. Как и положено на Руси».

В наш адрес хлынули проекты и предложения по космической политике. Проект «Бурлак», программа... О многом мы раньше и слыхом не слыхивали.

Поздний вечер. На Старой площади тихо, в коридоре, устланном коврами дорожками, разливается спокойный свет зелёной лампы. Ждём... Появляется долгожданный Бурбулис в сопровождении помощников.

*Мы обращаемся: «Геннадий Эдуардович, вы смотрели наш доклад?»*

*Бурбулис взрывается: «Обращайтесь в Управление делами! Не ходите сюда больше!»*

*Ничего толкового, никакого ответа мы от него так и не дождались, ни напрямую, ни через Управление делами.*

Периодически мы получаем документы, свидетельствующие о том, что не одни мы вышли на тропу войны. Концепция реформы, подготовленная в Управлении начальника космических сил Министерства обороны. Отпечатано на лазерном принтере крупным шрифтом — откуда у них столько денег? Нас поддерживает двумя компьютерами — всей своей мощью — журнал «Российский Бизнес». Инициатива Силаева-Савицкой... Инициатива академика Галеева... Проект НПО «Энергия», которое хочет выделиться в самостоятельную корпорацию с прямым финансированием от правительства...

Иду к академику Юрию Рыжову, председателю комитета по науке ВС СССР — он сидит в соседнем здании, Арбат, 19. У него своя команда, и тоже занимается реформированием космонавтики — академик ОТ. Газенко, Ю.А. Бачманов... «Давайте объединимся, Юрий Алексеевич!» «У нас кто делает, тот велик», — уклончиво отвечает Рыжов.

В ноябре я на три недели улетел в США. Соратники мне пеняли: «Слишком долгий разрыв в боях. Будто это игра, из которой можно выйти...» На космическом саммите в Хантсвилле мне дают слово три раза. Я рассказываю о реформе космонавтики в России: «Многие институты, предприятия и организации объединились в стремлении создать единое агентство. Мы работаем до поздней ночи, спим в офисе и работаем снова!» Аплодисменты. В клуб подаются заявления профессор Эрнст Штулингер, заместитель Фон Брауна, и Базз Олдрин, второй астронавт на Луне. С моей стороны это было преувеличением — в таком режиме мы порой работали у Ивана Моисеева, не в офисе.

Сидим в Верховном Совете, в комиссии Алексея Адрова. Обсуждаем список возможных кандидатов на пост руководителя будущего агентства. Генерал ..., бывший начальник космодрома Плесецк... Аншаков, заместитель генерального конструктора ЦСКБ... Коптев... В числе обсуждающих — Александр Александрович Пискунов, его непременно надо упомянуть в повествовании. Когда мы с Постышевым сидели в

приёмной Малей, к нам подсел живой ясноглазый человек со значком депутата Верховного Совета. «Поздравляю, вы покорили важного человека», — скажет, смеясь, Малей. Пискунов станет одним из организаторов адровской Группы по космонавтике, перетащит нас в ВС. Он носился по своим делам, к нам заглядывал наскоками — создавал комиссию по обороне, да и вообще с трудом, как мне казалось, мог усидеть на одном месте. У Пискунова была своя, достаточно детально проработанная схема управления космонавтикой.

Раздаётся звонок: «Нельзя ли кого-нибудь из Рабочей группы?» На проводе генерал из Управления начальника космических сил: «Хотели бы согласовать с вами выезд иностранной делегации на Байконур...» Спрашиваю Адрова. «Решайте сами, Сергей Александрович». После непродолжительного раздумья даю добро. В течение короткого периода мы принимаем решения по разным вопросам жизни космической отрасли.

### Кричевский вспоминает:

«Когда мы создавали агентство, ещё существовал механизм контроля исполнительной власти со стороны законодательной — можно было от депутата обратиться с запросом, и власти отвечали. Боялись. Можно было отконтролировать любое министерство, послать запрос президенту. Постышев этим пользовался. Вбрасывали проекты закона, проекты положений, получали ответы. Очень интересное время — с августа 1991 по август 1992. Хотя в ВС сидело много непрофессионалов, но по существу открытых дискуссий получали неплохие тексты. Эта модель очень хорошая: экспертиза — парламентский механизм с широким входом разных людей. Шлифовались разные точки зрения, шла трансляция заседаний. Это модель гражданского общества. Тогда был эйфорический период. Сейчас в Думе это деформировано, играют по своим правилам».

Космические начальники полетели в Алма-Ату, на совещание глав-государств СНГ, внесли проект Соглашения о сотрудничестве в космосе. Вопрос был перенесён на Минскую встречу. Мы бросились догонять, написали проект от Верховного Совета России. На самолёте НПО «Энергия» в Минск летела коалиция.

Минск. Зимняя полночь. В конференц-зале гостиницы «Минск» собралась группа государственных мужей России, гражданских и военных: замминистра Ю.Н. Коптев, член Президиума Верховного Совета А.Н. Адров, заместитель начальника Военно-космических сил генерал Ю.Г. Гусев, генеральный конструктор НПО «Энергия» Ю.П. Семёнов. Обсуждают проект Соглашения между странами СНГ по космосу. Завтра — совещание президентов дружественных государств. Адров держит в руках проект, написанный нашей рабочей группой, Коптев — документ, составленный его экспертами. Спор, дискуссия. Постышев, один из основных авторов, деликатно помалкивает.

Я и полковник военно-космических сил (забыл фамилию) с трудом разыскиваем комнату, заваленную старыми компьютерами, практически негодными. Оба — не электронщики. Всё внавалку — системные блоки, мониторы, клавиатуры, принтеры.

О, магия ночи! Мы колдуем над схемой, экран вспыхивает, в меню отыскиваем допотопный, неведомый нам редактор и до пяти утра выводим на дребезжащем принтере текст, который через несколько часов подпишут президенты девяти государств — участников СНГ.

Читаем отзыв от Академии Наук на наш доклад «Космическая политика России»: «Попытка возрождения старой административно-командной системы... Дух прежних времён... Некомпетентность...» Подписи известных академиков, директоров институтов. Постышев возмущается: «Старый приём — обвинить оппонента в своих грехах. Громче всех кричит *ловите вора* — тот, на ком шапка горит!» Сама суть агентства — в том, чтобы оно было лишь заказчиком, а не владельцем предприятий. Мы намерены отобрать у весельного и неповоротливого министерства его могущество. Нельзя одновременно быть

и заказчиком и исполнителем. По поводу РКА шла драчка. Многие министерства объективно не хотели, чтобы появлялась такая структура.

Двор Президиума Академии Наук заполнен чёрными «Волгами». Идёт обсуждение нашей концепции. Но — странное дело — выступают не с обще космических позиций, а плачутся о трудностях своего института или КБ. На одного государственного мужа — десять вотчинников.

Мы считаем, что эксперименты по телескопу прекратить нельзя...

Наша спутниковая платформа связи обеспечит переворот...

«Алмаз», почему «Алмаз» забыли?!

«Товарищи, товарищи, — урезонирует собравшихся академик Е.П. Велихов. — Мы собрались о космическом агентстве говорить, а не о ваших дотациях. Поймите, что денег вообще может не быть».

Опытный человек объясняет мне: «Эти директора так привыкли — драться за финансирование. Они иначе не могут. Здесь каждый за себя. Междоусобица».

### Создание космического Агентства

Итак, в декабре 1991 года в Минске при нашем участии было подписано соглашение по космосу между главами стран СНГ. Дальнейшая хроника событий такова.

6 января 1992 года Моисеев, Хозин и Кричевский выступили по радио России. Выступление стало хлыстом бича для номенклатуры — мы критиковали систему подготовки космонавтов и провозгласили, что не при правительстве, а в правительстве надо делать орган управления космонавтикой.

11 января состоялось официальное учреждение Группы Правительства и ВС по космонавтике под председательством А.Н. Адрова. (Первую, малеевскую, ещё раньше объявили вне игры.) Все стремились перехватить инициативу друг у друга. Настоящая гонка. Остановишься — погибнешь! Мы успели перебраться в адровскую группу, готовили и согласовывали в Белом доме и на Старой площади варианты Указа Президента и постановлений Правительства по созданию РКА. На чистом энтузиазме, не имея ни кадров, ни денег, ни связей, оппонировали мы директорам предприятий ВПК, стремившимся сохранить своё влияние! Мы проиграли, потому что не было структуры. И ещё потому, что лидер не рвался занять государственный пост — слабость, не шли до конца. Мы затоптались, потеряли темп, решительность.

Мы оппонировали и одновременно сотрудничали. Нас нельзя было назвать «непримиримые». Связующим мостом между двумя группами был Александр Кузнецов — со стороны Коптева и я — со стороны Адрова. Кузнецов, один из ведущих интеллектуалов Коптева, офицер военно-космических частей, звонил или приезжал в Белый дом, мы обговаривали вопросы, затем происходила встреча руководителей. Разум брал верх над амбициями.

*18 января была официально оформлена параллельная комиссия Правительства по космонавтике. Её председателем стал Е.Т. Гайдар, заместителем — Ю.Н. Коптев (от него и простекала инициатива). Старая гвардия сделала решающий шаг, обойдя нас на повороте. Эта комиссия использовала, в том числе, наши документы. Мы поняли это, когда пришли на совещание, созванное на Старой площади. Обстановка отличалась от нашего начала. Генералы в лампасах, седовласые академики, Герои Советского Союза и соцтруда. С докладом выступил Коптев, потом — министр связи Булгак, министр науки и технической политики Салтыков... Тут-то мы и загрузили — поняли, что дяди взяли дело в свои руки. Наши бумаги им весьмагодились!*

Из воспоминаний Сергея Кричевского:

«Команда Коптева в то время не столько работала над документами, сколько, используя старые связи, пыталась перехватить инициативу. Они озвучивали наши тексты. У них вообще всё шло на заимствованиях. Действий своих не было, кроме агитации с плакатами... Это государство, оно так и работает.

У команды Коптева программы не было, было лишь стремление удержаться у власти. Наши наработки они адаптировали под себя и шли с ними во властные структуры.

*Роль Гайдара во всём этом была никакой. У них там был завал, системный кризис, не до космонавтики. Записку формально расписали, кинули — пусть ходит... Надо было делить собственность Союза, там много чего надо было делить. Правительство шаталось. Полное банкротство зрело...*

Мы же возбудили волну. Бюрократия зашевелилась. Они понимали, что образуется структура, значит, надо перетекать. Поставили на Коптева. Преемственность была соблюдена, эффект обновления номинальный — тоже. И мы им помогли, образовали. А нет, чтобы ходить самим, озвучивать — к тому же Гайдару. Мы же ни одного захода не сделали. По существу, эти ребята воспользовались нашими трудами, и всё.

А дальше всё было банально. Пока мы занимались суетой, оббегали министерства, собирали подписи, эти ребята готовили подходы, как войти к Гайдару. Они вошли — и всё. Изучили обстановку, вломились — все уважаемые... Что Гайдар? К нему ввалилась куча людей с государственным прошлым. Заявили, что у них есть идея, озвучили несколько хороших предложений — и пошло. Создали впечатление: «Это мы управляем процессом...» В новых министерствах сидели старые союзные кадры, все генконструктора уважаемые тут же болтались»...

18 февраля состоялась встреча членов комиссии с Б.Н. Ельциным. Нас туда не пустили, окружение президента осталось глухо к звонкам по вертушке из Верховного Совета. Не пропустили даже ни Адрова, ни Пискунова. Прорвались Александр Александрович Серебров и Юра Локтионов, использовавший свое знакомство с президентом. Совещание шло несколько часов. Присутствовали 14 человек. По стенам были развешаны знаменитые плакаты, но на них никто не обращал внимания. (Здесь и далее я пользуюсь рассказом Локтионова.) Начали с того, что закричали: «Хотим Коптева!» Но возрождение старого министерства под новой вывеской было подменой нашего дела. Выступил Локтионов: «Борис Николаевич, повестка дня другая — обсудить дела в космической политике...» «Да, действительно», — сказал президент. Решения в тот день не было принято.

Следующая неделя была заполнена политической борьбой «под ковром». 25 февраля 1992 года Б.Н. Ельцин подписал Указ о создании Российского Космического Агентства. Формула группы Адрова была принята без существенных изменений. Генеральным директором был назначен Ю.Н. Коптев.

Шестимесячная гонка завершилась общей победой на благо России. Мы чувствовали себя отцами нового ведомства. Но строить его суждено было уже не нам.

### **Выдержки из дневника:**

*26 февраля*

*Разные сложные мысли о пути, о стратегии и тактике, о совершенно новом, которое надо суметь почувствовать. Мы независимы. Агентство создано. Борьба не принесла нам ни гроша. Лучшие оставаться вне госструктур. Алтай ждёт.*

*Я понял, что лучше себя чувствую вне жёстких рамок, подчинения, иерархии. То есть, в вольной жизни. Впрочем, чужую волю могу терпеть спокойно. Это — из юности. Медленно поворачиваюсь к коммерции.*

*1 марта*

*Оказались котятками — власть отобрали. «Мы — против большого отлаженного механизма». И хорошо! Чувствую освобождение. Вряд ли я создан для государственной службы. Брежнев свободное художничество — клуб, литература. Тянет на Запад — учиться.*

*6 марта*

*Всё? Агентство создано. Пустота. Другие оживились — самая борьба. Посты делят. У меня — спад активности. Как всегда, брошу всё, не получив ни крошки от пирога.*

*Почему так получается? Почему, имея стартовые возможности выше окружающих, я раз за разом остаюсь без гроша в кармане? Неужели я и впрямь непоправимо отличен от остальных? Из МВТУ ушёл, всё бросив, а приятель получил комнату, затем квартиру, используя бауманские связи, которые были слабее моих. Хантсвилл — бросил, а представители МАИ вздохнули с облегчением — конкурент сам устранился. Этому помог с бизнесом, тому — с устройством в Верховный Совет. European Space Report подарил Голотюку, еще и виноват остался. Агентство подарил Коптеву.*

*Раз за разом, как будто специально, создаю возможности для других и остаюсь ни с чем. Или мне Бог положил быть в неприбыли? Чтобы ничего не связывало? Чтобы не терял темп, вовремя делал повороты, верша свою историческую работу?*

Пусть читатель не судит меня строго за эти разгорячённые строки. И тогда, в момент событий, и позже я понимал, что выбор Коптева был правильным. Он грамотный специалист и управленец, волевой, преданный космонавтике. Я в качестве генерального директора (если предположить такую ситуацию) вряд ли удержался бы надолго. Но эмоции были! Человеческая натура противоречива.

### **Космическая философия**

Нас увлекали широкие идеи. Мы брели по снежной каше от светящегося поздними огнями Белого дома к метро «Баррикадная» и рассуждали.

— Пора прочитать всё, что Циолковский писал по космической философии, — говорил Сергей Кричевский. — Кто мы? Зачем во Вселенной? Каким путём пойдёт её освоение? Как при этом трансформируется человечество?

— Отсюда станет ясно, как двигаться в космос. Пришла пора браться за мировую космонавтику, — подхватывал я.

— Понять бы, Серёга, что это такое.

— Давай вернёмся к идее Мирового центра космической философии. Чтобы обмениваться идеями — со всей планетой!

Кричевский продолжал:

— Когда мы поняли, что не входим в Агентство, что мытам не нужны, а потенциал был накоплен, и было желание продолжать сотрудничество и развиваться, ты про Алтай начал говорить.

— Алтай зрел как идея и раньше, но тут он вспыхнул...

— Ты о центре мыслителей начал говорить. А я тебе — хорошо бы вообще в философии, в этих аспектах фундаментально разобраться, потому что это действительно выше, чем политика. Это и ниша для нас. Разобраться в общих целях космонавтики, начиная от классиков, от Циолковского, и пересмотреть это в современных условиях — как это выглядит, тот же космизм, мы в этом тогда ещё плавали. Мы увлеклись собственно реформой, структурами управления, личным участием в политике, потенциально — в полётах...Мы боролись на уровне железа, проектов, а на уровне

философских мыслей, идей (для чего космонавтика?) — нет. Вот мы и полезли выше — по существу разбираться.

Мы «наелись» к тому времени политикой. Тянуло к осмыслению, к обобщению. Надоело бегать по коридорам и работать «на дядю». Необходимо было погружение вглубь, в тишину. Оно произошло — через раскол в Клубе.

Когда стало известно о создании РКА, я мгновенно почувствовал: «Всё! Дело сделано!» И бросил оружие. Я не стремился возглавить РКА. Моя задача была решена.

Это не было понятно моим соратникам. К этому времени клуб сузился: в нём активно работали те, кто содействовал космической реформе; остальные отделились, вернее, мы их «отдалили» в своей горячке.

Кризис разразился не без моей вины. Я был смел, оптимистичен, любил людей — но не обеспечил им ни заработка, ни постов. А они к этому стремились. Жертвовали своим временем, здоровьем, а кто и положением — и ждали награды. За многомесячный марафон мы получили в качестве компенсации крошечный договор от Верховного Совета, спасибо А.Н. Адрову.

Я не учитывал их личного интереса, работал просто так — для державы. К моменту создания РКА я уже видел следующую цель — Алтай. Неясно брезжили литература и мировая космонавтика. Друзья этого не понимали. В их глазах я просто сходил с дистанции. Столь дальняя цель была не нужна. Для них российская космическая политика становилась основным делом. Мне от космонавтики нужен был полёт. С долгами за учёбу я рассчитался. Как объект дела — космонавтика стала в моих глазах частностью. Я стремился к более крупному масштабу. Мы расходились объективно.

*Политика — дело бессердечное. Как некогда в комсомоле, я почувствовал, что теряю душу. Баланс между действием и мыслительством сдвигался в сторону первого. Это ощущалось по тяге к писанию. В Рабочей группе я не мог её удовлетворить — мне приходилось исполнять организаторские функции. С первой передышкой я занялся составлением книжки стихов — и на месяц забросил организаторство! Через пару дней после указа о создании РКА я ощутил черноту — предчувствие чего-то страшного. Но я не мог даже представить того, что ожидало мою семью. В начале марта погибла мама, погибла нелепо, в возрасте 56 лет. Неужели её смерть — плата за прорыв, востребованная космическими силами? Почему тогда удар пришёлся не по мне?!*

В апреле я нашёл настроение своей команды совершенно изменившимся. Половина из соратников была настроена агрессивно. Они требовали отдать им расчётный счёт и печать клуба и выйти из дальнейшей игры в космической политике. Я воспротивился, старики поддержали меня, и через несколько месяцев группа молодёжи покинула клуб. Мы развалились изнутри — к большому облегчению чиновников, ещё не ставших на ноги и опасавшихся, что мы снова перехватим инициативу.

Через несколько месяцев мы потеряли офис на Новом Арбате. Волны схлынули, в качестве сухого остатка практически ничего не осталось! Разве что домашний телефон, установленный по личному распоряжению министра связи, напоминает мне об огненных днях космической реформы. Мне ещё придётся расплатиться за дерзость и независимость нервным истощением и безденежьем будущей зимой. Натурально — не будет хватать на еду. Коммерцию мы упустили, требовалось время, чтобы раскрутиться, к тому же начали Алтайский проект, к тому же затяжной конфликт с прежними соратниками. Глаза мои уже смотрели на Восток!

Великая советская космонавтика продолжает умирать. В этом есть объективные причины. За пределами прямого управления оказались космодром Байконур, Центр дальней космической связи в Крыму, НПО «Южное». Межгосударственный совет по космосу, которому поручено координировать усилия государств — участников

Содружества, мало что способен предпринять. В России — немногим лучше. По мере оскудения казны всё больше бедствуют предприятия в Пензе, Томске, Санкт-Петербурге, Самаре... Гигантские мёртвые стенды Загорска кажутся памятниками иной цивилизации, ждущими возвращения инопланетян. МГТУ им. Баумана — нищая база, тощая струйка студенчества, стремящегося в космонавтику.

Контракты с американцами приносят мало толку. Интеллектуальная собственность, изделия, право на комплексное использование результатов — всё принадлежит им. Очень может быть, что космонавтика будет развиваться не нами, — с нашим участием, но уже на катастрофически более скромных ролях. Есть ли в этом трагедия?

*Одна нация сливает результаты своей деятельности — другим, более сильным, но человечество продолжает движение в космос... Такую философию я не приемлю. Человечество без России — неполное. Мировая космонавтика без русских — утратит необъятно много. В нас есть что-то неповторимое — идеализм, широкий взгляд на мир, самоотверженность и самобытный талант инженерного творчества.*